

В последние годы в рамках ведущейся дискуссии о перспективах дальнейшего выстраивания российской внешнеполитической линии было неоднократно подтверждено, что азиатское направление остается для России одним из приоритетных. С этим утверждением трудно не согласиться: в самом деле, если учитывать роль и значение азиатских стран в мировых политических и экономических делах и традиционное внимание, которое наша страна всегда уделяла азиатским гигантам, таким, как Китай и Индия, значение азиатского вектора для России оспаривать трудно.

Если взглянуть на южноазиатский регион, то здесь, бесспорно, партнером номер один для нас является Индия, отношения с которой у России вышли на уровень стратегического партнерства. Однако довольно необычной кажется ситуация, когда при развитии отношений с Индией – что, разумеется, исключительно важно, как правило, почти не уделяется внимания остальным государствам региона. Почти отсутствует российское взаимодействие с Пакистаном, а ведь это государство является одним из лидеров развивающегося мира и по потенциалу (демографическому, экономическому), и по объему экономики, и в военной сфере. По численности населения Пакистан практически равен России, а его географическое положение дает основание считать это государство своего рода «стратегическим мостом» между Ближним и Средним Востоком и Южной Азией. С внешнеполитической точки зрения Пакистан всегда был весьма влиятельной страной, пользующейся немалым авторитетом среди развивающихся государств, особенно в мусульманском мире.

В настоящее время сотрудничество с Пакистаном в сфере безопасности считается некоторыми обозревателями чем-то мало реальным. Сейчас объем российского взаимодействия с Исламабадом крайне мал: так, торговый оборот насчитывает примерно 150 млн долл. в год. Одним из основных аргументов против интенсификации российско-пакистанского взаимодействия является представление о том, что это может нанести удар по партнерским отношениям России с Индией, у которой с Пакистаном вот уже 56 лет не затухает военное противостояние.

Конечно, налаживание сотрудничества фактически «с нуля» с любым государством, особенно с учетом непростого внешнеполитического климата в регионе, требует осторожного, взвешенного подхода. Следует заметить, что развитие отношений между Россией и Пакистаном, история которого насчитывает столько же лет, сколько и независимое развитие этой страны, проходило различные этапы, среди которых были не только спады, но и заметные подъемы. Так, в 1960–1970-е гг. СССР достаточно успешно развивал сотрудничество с Пакистаном в экономической сфере.

СОТРУДНИЧЕСТВО СССР С ПАКИСТАНОМ В 1940–1970-Е ГГ.

С одной стороны, Пакистан с самого момента получения независимости в 1947 г. был и с политической и с экономической точек зрения по ряду причин «привязан» преимущественно к странам западного блока. С другой стороны, это не означало, что пакистанское руководство не пыталось налаживать отношения с Советским Союзом. Когда Пакистан к началу 1960-х гг. окончательно оформил свой внешнеполитический курс, страна начала несколько диверсифицировать рынок внешней торговли. В 1961–1964 гг. между СССР и Пакистаном было подписано несколько соглашений об экономическом, техническом и культурном сотрудничестве, с 1964 г. Пакистан начал крупные закупки изделий советской тяжелой промышленности. Заинтересованность Пакистана в сотрудничестве с СССР была очевидна после интенсивного обмена визитами руководителей, например, премьер-министр М. Айюб-Хан трижды побывал в СССР (в 1965, 1966 и 1967 гг.)¹.

Во второй половине 1960-х гг. Пакистан пошел на определенный пересмотр своей однозначно проамериканской внешнеполитической линии, и одним из наиболее явных свидетельств этого было улучшение отношений с СССР. Дело здесь было не столько в том, что новое руководство М. Айюб-Хана стояло на несколько более левых позициях, чем его предшественники, а скорее в том, что США показали себя достаточно ненадежным партнером. После войны Пакистана с Индией в 1965 г. американская военная помощь Пакистану была прекращена, что сразу же негативно сказалось на вооруженных силах, которые полностью зависели от американского содействия. В значительной степени были свернуты и американо-пакистанские контакты в экономической сфере. Пакистанское правительство, в свою очередь, пошло на шаги, направленные на уменьшение американского влияния, например, в 1968 г. оно объявило о своем нежелании продолжать контракт по содержанию американской базы в Бадабере близ г. Пешавара (база, созданная в соответствии с соглашением о военной помощи 1954 г., была окончательно закрыта в 1970 г.²). Военную помощь Пакистан также старался получать от возможно большего числа стран, в частности сразу от всех крупных держав, имевших в Южной Азии непосредственные интересы, в том числе и СССР.

Когда Равалпинди стал проявлять заинтересованность в сотрудничестве с Советским Союзом, СССР достаточно благосклонно пошел на сближение, хотя, как считают специалисты, здесь Москвой руководило в значительной степени стремление несколько «отвязать» Пакистан от Китая³. Пакистану была оказана достаточно заметная экономическая помощь, страна также закупила партию вертолетов *Ми-8* и радарных систем. Летом 1966 г. Пакистан заключил с СССР соглашение об экономическом и научно-техническом сотрудничестве на 1966–1972 гг., по которому Советский Союз оказал стране заметное содействие в развитии тяжелой промышленности и наукоемких производств, активизировалась двусторонняя торговля. С советской помощью в Пакистане было создано несколько промышленных предприятий, ввод в эксплуатацию которых заметно содействовал увеличению экономического потенциала страны.

Важнейшим проявлением советско-пакистанского экономического и научно-технического сотрудничества стало сооружение металлургического завода в районе Карачи, закладка которого произошла в декабре 1973 г. На льготных условиях СССР предоставил основную часть оборудования, оказал необходимое техническое содействие, в том числе в подготовке кадров.

Вообще, в первой половине и середине 1970-х гг. в Пакистане в строй вошло большое количество объектов, построенных при советском содействии. Стоит, например, отметить сооружение энергоблока ТЭС в Гудде или радиостанции близ Исламабада, которая на тот момент стала самой крупной в стране. К концу 1970-х гг. каждый четвертый телевизор в Пакистане был сделан в СССР, каждая шестая тонна нефти добыта на месторождениях, разведанных или освоенных с участием советских специалистов. Каждый четвертый трактор в Пакистане был марки «Беларусь»⁴. Таким образом, Россия имеет весьма богатый опыт взаимодействия с Пакистаном.

ОБОСТРЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ ПАКИСТАНА С СССР

Однако последующие события настолько изменили ситуацию, что советско-пакистанские отношения с начала 1980-х гг. вошли в полосу упадка. Главной причиной был ввод в Афганистан советских войск и, как следствие, резкое изменение всего стратегического баланса в регионе. Нынешнее негативное восприятие Пакистана среди части российских политиков, обозревателей и военных является практически полностью наследием именно этого «афганского» периода.

Правительство Пакистана во главе с незадолго до того пришедшим к власти генералом Зия уль-Хаком сразу же заняло курс на резкое сближение с США. В сущности, оно перед выбором в тот момент и не стояло. Пакистанцы прекрасно осознавали, что выход советской военной мощи на рубежи Южной Азии незамедлительно повлечет ответные меры американцев, которые будут стремиться «устроить Советам собственный Вьетнам» и которым в этих целях потребуются заполучить государство-союзника вблизи Афганистана. Пакистан подходил на роль прифронтового государства как нельзя лучше, тем более что опыт активного взаимодействия в военной области с Исламабадом у Белого дома был немалый. С Пакистаном американцы заключили в 1981 г. соглашение о военно-экономической помощи на сумму в 3,2 млрд долл. в течение следующих пяти лет. Поставки военной техники в рамках этого соглашения фактически сформировали пакистанские вооруженные силы на два десятилетия вперед.

Второй (и, возможно, не менее важной) причиной резкого антисоветского поворота пакистанского руководства стал очевидный шанс укрепить свое влияние в Афганистане с перспективой «привязать» эту страну к себе в случае победы там оппозиционных сил. Для Пакистана получить Афганистан в качестве близкого союзника, тем более зависящего от него экономически и политически, было настолько ценным, что Исламабад мог позволить себе вступить с Советским Союзом практически во враждебное состояние.

Здесь стоит иметь в виду, что Афганистан всегда имел для пакистанцев особое значение в контексте их противостояния с Индией. Крайне существенной слабостью Пакистана по отношению к Индии является его большая географическая уязвимость: так, в своей средней части он имеет в ширину примерно 500 км, при этом ни одна из его военно-воздушных баз не отстоит от границы с Индией дальше чем на 400 км. Фактическое отсутствие стратегического тыла постоянно внушало пакистанскому руководству самые серьезные опасения. Весьма обширная территория Афганистана как раз очень подходила на роль такого тылового приращения, которое могло бы на случай обострения индийско-пакистанского противостояния обеспечить для пакистанских вооруженных сил необходимую глубину, например для возможного рассредоточения или безопасного базирования. О более выгодном стратегическом приобретении, чем территория Афганистана, Пакистан не мог и мечтать в течение всего периода его военной конфронтации с Индией.

Не следует сбрасывать со счетов и китайский фактор. Розыгрыш «антисоветской карты» в тот момент мог только привлечь новые партии помощи – как военной, так и экономической – со стороны Китая, который еще продолжал идти маоцзэдуновским курсом, предполагавшим противостояние с Москвой.

Еще одним фактором, обусловившим выбор в пользу однозначно антисоветского курса, была неуверенность З. уль-Хака относительно собственной внутривнутриполитической устойчивости. Пакистанскому военному режиму была срочно необходима финансовая подпитка и не меньше того требовалось отвлечь общественное мнение на какое-то важное событие, желательно внешнеполитическое. Как подчеркивают исследователи, прямое советское вмешательство в дела Афганистана стало для пакистанской верхушки неожиданным спасением⁵.

Понятно, что когда речь шла о столь важных стратегических дивидендах, да еще в сочетании с несомненными материальными выгодами, которые мог принести статус «прифронтового государства», охлаждение отношений с Москвой не могло стать для пакистанцев весомым сдерживающим фактором. Вполне естественно, что вслед за снижением уровня политических отношений с СССР последовало и изменение структуры двух-

А
Н
А
Л
И
З

сторонней торговли. Следует, однако, отметить, что, несмотря на напряженные политические отношения между Советским Союзом и Пакистаном, торгово-экономическое сотрудничество между ними в первой половине 1980-х гг. еще оставалось на довольно высоком уровне (хотя, конечно, масштабные проекты, подобные постройке металлургического завода, уже более не осуществлялись). Например, по соглашению 1981 г. был построен завод по сборке советских тракторов.

Но политика, проводимая пакистанской правящей верхушкой по отношению к Афганистану, включавшая даже открытое участие пакистанских инструкторов в боевых действиях против советских войск, не могла не сказаться на экономических отношениях с Москвой самым негативным образом. Несмотря на официальные заявления о стремлении к дружбе с СССР, Пакистан с 1980 г. последовательно сворачивал сотрудничество с ним. Выполнение заключенных ранее соглашений стало фактически невозможным в связи с антисоветской пропагандой в Пакистане. Показательно, что Общество пакистано-советской дружбы в Пакистане из-за репрессивной политики правительства оказалось неспособным продолжать работу⁶. Усиленное насаждение при З. уль-Хаке воинствующей исламской идеологии, естественно, только подогревало антисоветские настроения Исламабада.

ИЗМЕНЕНИЕ БАЛАНСА СИЛ В РЕГИОНЕ В НАЧАЛЕ 1990-Х ГГ. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАТРУДНЕНИЯ ПАКИСТАНА И ЕГО ПОИСК НОВЫХ ПАРТНЕРОВ

Указанная неприятная ситуация продолжалась на протяжении всех 1980-х гг. и отчасти в 1990-е гг. Однако с конца 1990-х гг. пакистанцы начали постепенно менять свое однозначно негативное восприятие России. Причиной тому стала вновь возникшая необходимость поиска партнеров во внешнеполитической и внешнеэкономической областях. США с 1990 г. прекратили сотрудничество с Пакистаном в военной сфере и вообще фактически вышли из числа основных партнеров Исламабада в области безопасности, что самым отрицательным образом сказалось не только на состоянии вооруженных сил страны, но и на ее экономическом развитии. На позицию США повлияло, прежде всего, то, что с выводом советских войск из Афганистана США в значительной степени потеряли заинтересованность в крупномасштабной помощи Пакистану. После того как необходимость в «прифронтовом государстве» отпала, американцы «вспомнили» о ядерной программе Исламабада и в этой связи пошли на свертывание отношений с ним и даже на введение санкций⁷.

По словам самих пакистанцев, по причине спада «особых отношений» Пакистана с США 1990-е гг. вообще стали для Пакистана «наихудшим десятилетием» как с внешне-, так и внутривнутриполитической точки зрения. Пока советские войска находились в Афганистане, Вашингтон поддерживал Пакистан, так как это вело к поражению СССР. А после прекращения американской помощи Пакистан стал «несчастной страной, с беспокойной внутривнутриполитической ситуацией, враждебной по отношению к остальному миру»⁸.

В середине и конце 1990-х гг. в Пакистане продолжался затяжной экономический кризис. Многие видные аналитики описывали ситуацию в экономике страны как чрезвычайно тяжелую⁹. Такое утверждение было обосновано тем, что объем иностранных вложений в экономику Пакистана, по словам министра торговли А.-Р. Дауда, снизился в 2000/2001 финансовом году до отметки, рекордно низкой за последние 12 лет, составив менее 182 млн долл.¹⁰. И при всем этом Пакистан продолжал поддерживать свои военные программы на прежнем уровне, изыскивая источники финансирования внутри страны. Безусловно, нагрузка на экономику значительно возрастала, если добавить еще и огромные расходы на создание ядерных сил. Ядерная программа истощила экономические ресурсы Пакистана. В результате он столкнулся с нарастающими внутренними социальными проблемами, которые стали частично следствием расходов на ядерную программу, а частично – результатом изменения отношения к Пакистану со стороны ведущих промышленных держав мира, что, в свою очередь, было вызвано массивной поддержкой, которую Пакистан оказывал талибам, пришедшим к власти в Кабуле. Отри-

цательно на имидже Исламабада сказывалось также и то, что Движение Талибан было создано на территории Пакистана и с самым активным участием пакистанских властей.

Кроме того, санкции против Индии и Пакистана после ядерных испытаний, проведенных ими в мае 1998 г., оказались для Исламабада чрезвычайно болезненными, хотя страна, в общем, и сумела удержать экономику от обвала¹¹. Для Пакистана результат ядерных испытаний оказался, по мнению многих аналитиков, противоположен тому, которого добилась Индия¹².

В условиях столь непростой обстановки пакистанцы пришли к вполне закономерному выводу об актуальности определенного пересмотра своего внешнеполитического курса. Срочно требовались новые партнеры, новые источники зарубежной помощи и инвестиций. Но с Россией отношения наладить было тогда сложно – первые несколько лет после вывода советских войск из Афганистана Исламабад все еще оставался «заложником» прежнего антироссийского подхода. Это находило выражение в столь негативном для нас явлении, как поддержка Пакистаном чеченских сепаратистов. Еще в конце 1990-х гг. чеченские эмиссары свободно действовали в Пакистане, занимались обучением и вербовкой боевиков и сбором средств. Разумеется, при такой позиции Пакистана российская сторона не могла пойти на сближение с ним, и двухсторонний обмен между Москвой и Исламабадом носил случайный и нерегулярный характер. Отрицательное восприятие Пакистана российской политической элитой было на тот момент вполне понятным и оправданным.

Но ситуация начала проявлять тенденцию к улучшению, когда тяжелые реалии заставили Пакистан пойти на постепенное изменение своего отношения к России. Это выразилось, в частности, в том, что пакистанцы быстро подавили активность чеченских группировок на своей территории. Не в последнюю очередь в данном случае свою роль сыграло желание Исламабада дать России понять, что Пакистан стремится к улучшению двухсторонних отношений и отходит от прежних стереотипов. После ввода в Афганистан в 2001 г. американских войск Пакистан, начав принимать действительно серьезные меры по борьбе с экстремистскими группировками, окончательно устранил чеченскую «сеть» – сейчас в Пакистане эмиссары чеченских сепаратистов практически не имеют возможности вести свою антироссийскую деятельность.

Заинтересованность Пакистана в улучшении отношений с Россией не уменьшилась с началом американской оккупации Афганистана. Нельзя сказать, что эта тенденция была вызвана сиюминутными обстоятельствами, вызванными только сложностями в экономике, поскольку в 2001–2002 гг. появились достаточно заметные признаки экономического оздоровления страны (в сентябре – октябре 2001 г. был отмечен самый низкий показатель бюджетного дефицита за всю историю страны – 1 % от ВВП¹³, а курс пакистанской рупии показывал тенденцию к значительному укреплению). Одной из основных причин повышения внимания к России было, как и в конце 1960-х гг., стремление Пакистана найти новых партнеров в условиях американской «непредсказуемости». Следует отметить, что инициативу к налаживанию связей первым начал подавать Пакистан. Интересно, насколько в последние три-четыре года изменилась риторика пакистанских официальных представителей и СМИ – оголтелая критика и резкие антироссийские высказывания заметно пошли на убыль. При этом уже обычным тоном является спокойный настрой с выражением сдержанного оптимизма в отношении возможного расширения связей с Россией.

Один из аргументов пакистанцев в пользу интенсификации сотрудничества с Россией – что оно сможет оказать достаточно благотворное воздействие на стратегическую обстановку в Южной Азии. Как представляется, такое утверждение не лишено основания. Настоящий период развития международных отношений в регионе отличается чертами, которые уже в достаточно недалекой перспективе могут привести к последствиям, весьма нежелательным как для российских интересов, так и для глобальной безопасности в целом.

Дело в том, что развивавшиеся до сих пор стабильно процессы накопления обычных вооружений в Южной Азии, военное противостояние между Индией и Пакистаном и разви-

3
И
Л
А
А
Н

тие региональной системы стратегического баланса в целом в последние 10–12 лет характеризуются сейчас не имевшей места прежде тенденцией – растущей асимметрией этого процесса. Если практически весь предыдущий период пакистано-индийского противостояния был отмечен достаточно сбалансированной эскалацией, когда и Индия, и Пакистан повышали мощь своих вооруженных сил в целом равными темпами, удерживая, как правило, постоянное соотношение сил, то с 1990-х гг. можно говорить о том, что Индия в военной гонке явно увеличивает отрыв, который при сохранении современного положения дел Пакистан едва ли сможет компенсировать.

Такая тенденция обусловлена довольно широким набором причин как регионального, так и внешнего характера. Прежде всего, речь идет о военном противостоянии Пакистана с Индией. Здесь следует указать на ускоренный экономический рост Индии, связанное с ним увеличение военных ассигнований и те весомые результаты, которые начало приносить развитие национальной военно-промышленной базы. Пакистан пока не может похвастаться такими достижениями: его экономика также показывает положительный рост, но он происходит все же медленнее, чем прирост индийской экономики.

Кроме того, научно-техническая база Индии вплотную приблизилась к рубежу, за которым наступает резкий качественный скачок, когда страна будет в состоянии осуществлять проекты высокой степени сложности, включая космические, а также разработку и промышленный выпуск современных самолетов. Пакистан не имеет таких возможностей и, судя по всему, не получит их и в ближайшем будущем.

Однако главной причиной складывающейся ситуации является, видимо, произошедшее за последние 12 лет принципиальное изменение характера глобальной системы международных отношений и, соответственно, роли Южной Азии в мировых делах. Начиная с середины 1950-х гг. региональный стратегический баланс, основным элементом которого было военное противостояние Индии и Пакистана, складывался в зависимости от динамики биполярной конфронтации. Конечно, речь не шла о непосредственном вовлечении двух этих государств в советско-американское противоборство, но распределение внешнеполитических приоритетов и Пакистана, и Индии было в большой степени обусловлено разделением мира на два лагеря, поэтому и иностранную военную помощь оба государства получали в значительной степени в зависимости от различия интересов Москвы и Вашингтона.

Создание в 1950-е гг. антисоветских блоков СЕАТО и СЕНТО и связанные с этим программы американской военной помощи странам третьего мира (в данном случае – Пакистану) были одним из важнейших периферийных элементов американской стратегии, направленной на распространение влияния Вашингтона на возможно более широкий круг развивающихся государств в условиях «холодной войны». Масштабное содействие Вашингтона Исламабаду в военно-технической области позже, во время правления З. уль-Хака, было также вызвано в первую очередь антисоветской направленностью политики США. Таким образом, пакистанский военный потенциал в 1950–1980-е гг. развивался практически полностью благодаря американскому содействию, продиктованному стремлением Вашингтона к сдерживанию СССР, т.е. в общем не будет преувеличением сказать, что Пакистан был способен поддерживать военный баланс с Индией только благодаря холодной войне, причем баланс этот был очевидно непропорционален соотношению собственных экономических потенциалов Пакистана и Индии.

С исчезновением советско-американского противостояния и практической неспособностью нынешней России к проецированию военной силы за пределы национальной территории и тем более оказанию военного давления на США Белый дом уже далеко не так, как прежде, заинтересован в усилении военного потенциала Пакистана. В настоящее время, в условиях снижения интереса США и многих других стран Запада к активному военному сотрудничеству с Пакистаном, Исламабад рискует остаться лишь с малой долей импорта высокотехнологичных вооружений по сравнению с прошлыми временами. Пока никаких явных мотиваций для заключения с Пакистаном контрактов, подобных соглашению 1981 г., у США не просматривается, особенно если учесть заметное повышение интереса Белого дома к Индии. Тем более маловероятным представляется получение Пакистаном иных источников регулярной военной и финансовой подпитки

из-за рубежа. Китайская военная и экономическая помощь, при всей ее значимости, вряд ли сможет полностью компенсировать острую потребность в современных видах вооружений.

Усиленное финансирование вооруженных сил Индии и реализация Дели собственных программ разработки вооружений закладывают основу для качественного усиления индийской военной мощи, вероятно, уже к 2008–2010 гг. Если же говорить о Пакистане, то весьма сомнительно, что он будет в состоянии совершить столь же резкий прорыв в своей обороноспособности, не имея даже и малой доли тех возможностей, которые представлялись ему во времена «холодной войны». Таким образом, асимметричность индийско-пакистанской военной конфронтации, вероятно, будет становиться все более явной: Пакистан, испытывая острую нехватку финансовых средств и вооружений нового поколения, тем более в условиях достаточно сильного внешнеполитического давления, начнет «сдавать позиции» в своем противостоянии с Индией, которая выйдет на глобальный уровень в плане военно-политической мощи.

При том обстоятельстве, что продолжение противостояния с Дели становится для пакистанских военных в значительной степени залогом сохранения их позиций в обществе, ослабление трений с Индией, очевидно, не отвечает долгосрочным интересам высшего офицерства. Прекращение огня на *Линии контроля*, достигнутое сторонами в конце ноября 2003 г. по инициативе Пакистана, вполне вероятно, может в любой момент быть нарушено и потепление в пакистано-индийских отношениях не будет продолжительным.

Однако существует вероятность, что инициатива о прекращении огня и ряд последовавших за ней договоренностей, снижающих двухстороннюю напряженность, включая визит пакистанского президента П. Мушаррафа в Индию в 2005 г., могут быть первыми признаками, свидетельствующими о том, что Пакистан уже начинает «сдавать позиции» в противостоянии с Индией, не выдерживая тягот военно-стратегической гонки в условиях напряженной внешнеполитической ситуации. Одним из свидетельств может служить заявление П. Мушаррафа о том, что «Пакистан более не настаивает на выполнении резолюций ООН по Кашмиру»¹⁴, т.е. Исламабад впервые готов рассмотреть возможность отказа от одного из своих наиболее фундаментальных требований. Но в случае «сдачи позиций» пакистанская армия попадает в «заколдованный круг»: с одной стороны, гонка вооружений с Индией в сочетании с нагнетанием антииндийских настроений внутри страны становятся экономически и политически непозволительными, поэтому необходимо искать выход из конфронтации, с другой – в целях поддержания руководящей роли армии в обществе эту конфронтацию и напряженность на *Линии контроля* необходимо сохранять. И в первом, и во втором случае Пакистан рискует оказаться в кризисном положении: либо армия, лишаясь фактора «индийской угрозы», в существенной степени может потерять поддержку в обществе, вследствие чего возникнет вероятность появления «вакуума власти», либо экономика страны может быть ввергнута в глубокую депрессию из-за чрезмерных военных затрат в попытках угнаться за уходящей вперед индийской военной машиной, что также повлечет падение авторитета военных. Ослабление влияния пакистанских вооруженных сил на политическую систему страны может иметь весьма пагубные последствия в виде резкого всплеска нестабильности, поскольку армия, несмотря на распространение исламистских идей среди части военных, является главным, если не единственным, реальным противовесом исламскому экстремизму в стране. Это особенно касается нынешнего пакистанского руководства во главе с П. Мушаррафом, которое в последние несколько лет предприняло действительно эффективные масштабные меры по подавлению деятельности экстремистских группировок.

Усиление дисбаланса в военном противостоянии Дели и Исламабада может привести к тому, что индийцы, почувствовав большую, нежели прежде, уверенность в своих силах, попытаются, возможно, увеличить давление на Пакистан в целях добиться беспрецедентных уступок по ряду вопросов, в том числе по Кашмирской проблеме. Не исключено при этом, что индийцы будут делать упор на силовую составляющую своей политики, тем более что взгляды «ястребов» приобретают среди индийских правящих кругов все большую популярность.

Вообще говоря, в политологии существует распространенное мнение, что у конфронтационной ситуации, тем более такой сложной и давно сложившейся, как индийско-пакистанское противостояние, не может быть иной развязки, кроме кризисной и взрывной¹⁵. Это будет не обязательно война или физический «уход со сцены» одного из противников, но в любом случае вовсе не мирное и безболезненное разрешение проблемы. Можно предполагать, скажем, физический «уход со сцены» одного из противников, как это было в случае с Советским Союзом. Если принимать такую точку зрения, то, бесспорно, из двух участников южноазиатского противостояния кандидатом на «кризисный» выход из игры становится слабейший – Пакистан (поскольку добровольный отказ от конфронтационной политики практически нереален).

Впрочем, в случае нарастания кризисных явлений в Пакистане в обстановке увеличивающегося отрыва Индии в военной гонке, нельзя полностью исключать и военный сценарий развития ситуации. Если Пакистан окажется в конце концов «загнанным в угол», может сказаться общая психологическая усталость пакистанского руководства, которое решится – в качестве жеста отчаяния – на войну. Нечто подобное случилось во время третьей индийско-пакистанской войны в декабре 1971 г., когда правительство А.М. Яхья-Хана решило, что терять ему в принципе нечего, и начало боевые действия, несмотря на заведомо проигрышное положение. В настоящее время, безусловно, война не является для Исламабада безальтернативным вариантом, но если обстоятельства для пакистанцев будут и в дальнейшем ухудшаться, возможностей Пакистана для внешнеполитического маневра будет становиться все меньше. Хотя пока, если говорить о нестабильности внутривнутриполитического положения в Пакистане в настоящее время, стоит обратить внимание на то, что нынешнее пакистанское руководство не более нестабильно, чем, скажем, правительство Яхья-Хана в конце 1960-х гг. или, в принципе, любое другое правительство Пакистана в 1950–1970-е гг. Диверсификация внешних связей, развитие отношений с такой крупной страной, как Россия, несомненно, только укрепят положение пакистанской правящей элиты.

Разумеется, банкротство экономики Пакистана и/или распад страны «по советскому образцу» с труднопредсказуемыми последствиями не могут быть выгодны никому из ведущих стран мира и самой Индии. В этой связи действия США по оказанию помощи Исламабаду в 2001–2003 гг. могут быть истолкованы как попытка Вашингтона предотвратить такой крайний вариант.

ВЫГОДЫ ОТ НАРАЩИВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ С ИСЛАМАБАДОМ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Российское участие в усилиях по предотвращению подобного кризиса южноазиатской подсистемы международных отношений представлялось бы также вполне логичным. Сохранение стратегического баланса и силового равновесия в регионе, где у России остаются важные экономические и политические интересы, было бы для нашей страны крайне важно. Едва ли обоснованы тревоги индийцев в связи с возможностью «внесения дисбаланса» в соотношение сил Дели и Исламабада: индийский военный потенциал растет такими темпами, что даже самое крупномасштабное иностранное военное содействие Пакистану приведет максимум к удержанию прежнего соотношения сил.

Заключение с Пакистаном контрактов в военной области было бы для России весьма выгодно со многих точек зрения. Для российской военной промышленности на данном этапе был бы востребован еще один крупный покупатель, испытывающий острую потребность в современных вооружениях и технологиях и готовый к масштабным приобретениям практически всех видов техники. Безусловно, сдерживающим моментом на этом направлении может стать то, что пока Пакистан в общественном мнении России – как и многих других стран – ассоциируется с идеями воинствующего исламского радикализма. Следует, однако, иметь в виду, что пакистанцы, действительно, не всегда сдержанно апеллируют в прошлом к исламским лозунгам, преследовали чисто политические задачи обеспечения себе поддержки со стороны мусульманского мира и сглаживания этнических противоречий и что радикальные эмоции в этой стране всегда были во многом

столь же прагматичными, сколь и управляемыми. «Исламизация» внутренней жизни Пакистана, активно проводившаяся при З. уль-Хаке, была мерой, обусловленной прежде всего экономически – к примеру, введение исламских налогов *закята* и *ушра* дало очень существенные поступления в госбюджет. Политическая подоплека «исламизации» также более чем прозрачна: при интенсивном развитии связей с арабскими монархиями Персидского залива в конце 1970-х – начале 1980-х гг. было необходимо создать хотя бы видимость того, что законодательные и правовые нормы в Пакистане приводились в соответствие с кораническими предписаниями.

Фундаменталистские настроения в Пакистане всегда достаточно четко колебались в зависимости от политической конъюнктуры. Так, сокращение американского содействия немедленно порождало всплеск исламистских настроений, на что американские аналитики не раз обращали внимание¹⁶. Поэтому если Пакистан станет импортером российской военной продукции и, тем более, приступит к развитию совместных проектов в экономической области, то, с учетом того, что пакистанская правящая элита всегда располагала достаточно мощными рычагами воздействия на радикальные исламские круги, фундаменталистские или антироссийские настроения внутри страны, вне сомнения, резко пойдут на убыль. Такого мнения придерживаются и авторитетные российские регионоведы, например В.Н. Москаленко¹⁷. Важно то, что сейчас Россия в случае наращивания отношений с Пакистаном будет на многих направлениях в весьма выгодном положении, оставаясь вне конкуренции со стороны других держав.

Опасаться нового витка конфронтации Пакистана с Россией, наподобие того, что имел место во время нахождения советских войск в Афганистане, едва ли стоит. Вряд ли может случиться, что именно Россия будет оппонентом Пакистана в борьбе за преобладающее влияние в Афганистане в обозримой перспективе.

СОТРУДНИЧЕСТВО С ПАКИСТАНОМ В СВЕТЕ РОССИЙСКО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Безусловно, задумываясь о путях развития военных и экономических связей с Пакистаном, следует внимательно отнестись к возможной негативной реакции на это со стороны Индии. Россия находится в данном случае в довольно выигрышном положении, располагая таким «заделом», который пока делает для Индии продолжение военно-технического сотрудничества с Москвой неизбежным практически вне зависимости от его политической желательности. Планируя ВТС на более отдаленную перспективу, целесообразно изучить опыт Франции, которая, являясь одним из основных поставщиков вооружений в Пакистан, осуществляет активное проникновение и на индийский рынок. Американцы, которые на протяжении 1950-х – 1980-х гг. были основными поставщиками вооружений в Пакистан, проявляют пристальный интерес к Индии. Нельзя исключать, что в ближайшее время между Дели и Вашингтоном могут быть заключены крупные контракты в военной области. Позиции российских экспортеров на индийском рынке военной продукции уже несколько лет испытывают сильное давление со стороны таких стран, как Франция и Израиль; кстати, по совокупной стоимости индийских военных заказов Тель-Авив вышел на второе место после Москвы. В недалеком будущем доля России в поставках вооружений в Индию может серьезно уменьшиться, что неминуемо повлечет падение нашего влияния в Южной Азии вообще (тем более, что если не считать торговли вооружениями, у нас с Индией объем двухстороннего сотрудничества не так уж и велик – всего около 1,3 млрд долл. в год, в то время как у США с Индией – более 27 млрд долл.).

Заявления, сделанные несколько лет назад на высшем уровне, о том, что «Россия не продаст Пакистану ни одного патрона»¹⁸, вряд ли можно считать отвечающими насущным задачам российской внешней политики и реалиям обстановки в мире. России вполне по силам сделать отношения с Пакистаном более интенсивными, и ни в коей мере не за счет продолжения активного ВТС с Индией. Интересно, что в последние год-два со стороны российских официальных лиц появляются высказывания о перспективности налаживания ВТС с Пакистаном: так, председатель Счетной палаты России С.В. Степашин после визита в Пакистан заявил 11 декабря 2003 г., что «пакистанский рынок в течение 3–4 лет

готов выложить порядка 12 млрд долл.» на приобретение российской техники – как военной, так и прочей¹⁹. Что касается Пакистана, то он к сотрудничеству полностью готов. Заинтересованность в российских вооружениях неоднократно озвучивалась Исламабадом, в том числе и на высшем уровне: достаточно показательным может показаться выраженное лично самим П. Мушаррафом еще в 2001 г. желание развивать военно-техническое сотрудничество с Россией вплоть до закупок многоцелевых самолетов Су-30²⁰. Если говорить о конкретных направлениях военно-технического сотрудничества, то на первом этапе представляется целесообразным сосредоточиться на тех видах техники, которые не могут служить целям количественного или качественного наращивания ядерных сил. Перспективно было бы подумать о контрактах в области систем ПВО.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА В АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКЕ

Что касается сотрудничества с Пакистаном в области мирного использования атомной энергии, то и здесь существует возможность искать пути налаживания контактов, несмотря на то, что в настоящее время такое сотрудничество с этой страной невозможно. По существующим международным обязательствам Россия не может поставлять ядерную продукцию государствам, не имеющим соглашения с МАГАТЭ о полноохватных гарантиях: такой принцип существует в Руководящих принципах Группы ядерных поставщиков (ГЯП), заложен он и в российское внутреннее экспортно-контрольное законодательство.

В настоящее время американцы начали принимать меры к тому, чтобы сделать «исключение» для Индии: в совместном заявлении Дж. Буша и индийского премьера М. Сингха 18 июля 2005 г. было озвучено намерение США вести дело к такому изменению правил ГЯП и внутреннего законодательства США, чтобы сделать возможными поставки ядерной продукции Индии. Первые шаги в этом направлении американцами уже предприняты. Расширение сотрудничества с индийцами обусловлено рядом встречных шагов со стороны Дели – разграничением гражданского и военного секторов ядерной инфраструктуры с постановкой под контроль МАГАТЭ гражданского сектора, введение жестких правил экспортного контроля и т.д. По мнению США, Индию можно рассматривать как исключение, так как она, в отличие от Пакистана, не была источником утечек опасных материалов и технологий.

Действительно, репутация Пакистана в ядерной области оказалась сильно подмоченной из-за деятельности в 1990-е гг. целой подпольной сети, занимавшейся поставками за рубеж ядерных товаров, которую возглавлял лично «отец» пакистанской атомной бомбы А.К. Хан. В настоящее время данная «сеть» практически ликвидирована, хотя негативные последствия распространения опасных материалов могут сказываться еще довольно долго.

Но если мотивировка американцев при налаживании сотрудничества с Дели – необходимость «подтягивания» Индии к режиму нераспространения, то в отношении Пакистана это становится, если иметь в виду «сеть распространения», еще более актуальным. В рамках работы по вовлечению Пакистана в режим ядерного нераспространения вполне рациональным было бы подумать об аналогичных послаблениях и для Пакистана при выполнении им тех же условий, что США предъявляют Индии. При этом, конечно, налаживание сотрудничества следует обусловить полной ликвидацией в Пакистане оставшихся элементов «сети распространения» и прояснением всех аспектов ее деятельности в прошлом. Пакистанское руководство, имея столь заманчивый «пряник», как получение международного содействия в атомной энергетике, несомненно, примет все меры по исправлению своих прегрешений.

Таким образом, не только индийский, но и пакистанский атомно-энергетический рынок будет открыт для нас. Главная же выгода, которую может обрести Россия, налаживая сотрудничество в военной области и сфере безопасности сразу с обоими крупнейшими государствами Южной Азии, – это получение исключительно удобного инструмента воздействия на политический процесс в этом важнейшем для нас регионе, что особенно важно сейчас, когда возможности нашей страны во внешнеполитической области достаточно ограничены.

Примечания

- ¹ Москаленко В.Н., Сидоров М.А. Пакистан: трудный путь развития. М., 1979. С. 58.
- ² Одной из причин закрытия базы стало то, что именно из Бадаберы взлетел пилотируемый Ф. Пауэрсом самолет тактической разведки *TR-2*, сбитый над СССР во время знаменитого инцидента в 1961 г. Пакистан тогда оказался против своей воли непосредственно втянутым в выяснения отношений между сверхдержавами и не хотел повторения такой ситуации. См., например: Мукинджана Р.М. Пакистан, Южная Азия и политика США. М., 1974. С. 126.
- ³ Там же. С. 18.
- ⁴ СССР и Пакистан. М.: ГРВЛ, 1984. С. 188.
- ⁵ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. М., 2003. С. 108.
- ⁶ СССР и Пакистан. М.: ГРВЛ, 1984. С. 213.
- ⁷ В соответствии с так называемой Поправкой Пресслера (часть 620 Закона о помощи иностранным государствам 1964 г.) США не могли осуществлять экспорт вооружений и военной техники в страны, активно реализующие ядерные военные программы. Президент Дж. Буш в октябре 1990 г. не дал в отношении Пакистана гарантии, что эта страна не проводила такой программы, и экспорт был прекращен. Действие запрета на поставки в Пакистан военной техники, вступившего в силу 6 октября, распространялось на все соглашения, заключенные ранее. Пакистан не успел получить крупную партию техники, в том числе и самолеты *F-16*, за 28 из которых уже было выплачено авансом более 650 млн долл.
- ⁸ *World Affairs*. 1999, №1. Р. 40–49.
- ⁹ См., например: Ганковский Ю. Пакистан: нестабильность становится перманентностью. *Азия и Африка Сегодня*. 1999, №4.
- ¹⁰ *Nation*. 2001, July 28.
- ¹¹ Подробный обзор экономических последствий санкций см., например, в работе: Morrow Daniel, Carriere Michael. The Economic Impacts of Glenn Amendment: Lessons from India and Pakistan. In: Cirincione Joseph (Editor). *Repairing the Regime. Preventing the Spread of Weapons of Mass Destruction*. NY, L., 2000.
- ¹² Орлов В.А., Соков Н.Н. (ред.). *Ядерное нераспространение*. М.: ПИР-Центр, 2000. С. 191.
- ¹³ *Коммерсант*. 2001, 6 октября.
- ¹⁴ *Pakistan Observer*. 2003, 19 декабря.
- ¹⁵ Wheeler Nicholas, Booth Ken. Beyond the Security Dilemma: Technology, Strategy and International Security. In: *The Uncertain Course. New Weapons, Strategies and Mind-sets*. SIPRI, Oxford University Press, 1987. Р. 331.
- ¹⁶ См.: Perkovich George. Pervez, the Friendly Dictator. *Weekly Standard*. 2002, July.
- ¹⁷ Москаленко В. Исламский радикализм набирает силу. *Азия и Африка Сегодня*. 2003, №6. С. 27.
- ¹⁸ *Известия*. 1995, 22 декабря. Цитируется высказывание Б.Н.Ельцина.
- ¹⁹ *РИА Новости*. 2003, 11 декабря.
- ²⁰ *Известия*. 2001, 31 мая.

Э
И
Л
А
Н
А

РОССИЙСКИЙ ФОРУМ ПО ПРОБЛЕМАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Теперь вопросы международной безопасности, поднимаемые на страницах журнала «Ядерный Контроль», можно обсудить в интерактивной форме в Интернете – на **российском Форуме по вопросам международной безопасности** <http://www.securityforum.ru>

Security Forum – это экспертный портал, где специалисты из научно-исследовательских институтов, политологи, журналисты и обычные люди, интересующиеся различными аспектами международной безопасности, обмениваются мнениями, полемизируют и предлагают свое видение актуальных проблем в сфере безопасности, стоящих перед Россией и всем миром.

- ❑ *Каковы интересы и задачи России в области безопасности в рамках председательства в «Большой восьмерке»? Как эти задачи реализуются?*
- ❑ *Что означало бы появление ядерного оружия в Иране с точки зрения российских национальных интересов, и как Россия должна действовать, чтобы не допустить такого варианта событий?*
- ❑ *Центральная Азия, вопросы безопасности и российские национальные интересы в регионе.*
- ❑ *Ренессанс атомной энергетики в мире и роль России в развитии ядерных технологий.*

Эти и другие вопросы обсуждают участники Форума.

Российский Форум по проблемам международной безопасности не только представляет площадку для открытого диалога экспертов, но и предлагает пространство портала для размещения полемических материалов по обсуждаемым вопросам, а также эксклюзивных интервью российских и зарубежных официальных лиц. Не останутся в стороне от обсуждения и материалы, публикуемые на страницах периодических и электронных изданий ПИР-Центра.

Приглашаем читателей журнала «Ядерный Контроль» присоединиться к виртуальному сообществу экспертов. Принимать участие в дискуссиях по проблемам международной безопасности вы можете, зарегистрировавшись на портале

<http://www.securityforum.ru>

Общение происходит на русском языке.

Надеемся, что полемика и темы, поднимаемые на *Форуме*, будут иметь заметное влияние и на формирование редакционного портфеля периодических изданий ПИР-Центра, подсказывая новых авторов и новые темы, требующие постановки и обсуждения в экспертном формате.

За более подробной информацией о работе российского Форума по вопросам международной безопасности следует обращаться к директору информационных проектов ПИР-Центра Надежде Логутовой по тел.: +7-495-234-0525, или logutova@pircenter.org